

УДК 140.8+340.130.3

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

В. П. СУХОПАРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Актуализируется проблема обязательности реализации источников права с мировоззренческой, юридической и политологической сторон. Во время протекания конвергенционных и трансформационных процессов современных правовых семей (романо-германской и англосаксонской) исследуемая проблема приобретает особую значимость. Выявлены причины обязательности реализации источников права в мировоззренческом, юридическом и политологическом аспектах, а также представлена модель послегосударственного общества, в котором осуществлен отказ от обязательности реализации источников права. Критика положений классического либерального учения (Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк и др.) позволила сформулировать иное содержание закона природы, действующего в трех состояниях общественного развития (догосударственное, государственное, послегосударственное), и констатировать незыблемость естественного состояния при осуществившемся переходе общества в государственное состояние. Проанализирована возможность восприятия судебного прецедента романо-германской правовой семей. Результаты исследования вносят вклад в комплексное понимание необходимости реализации источников права в логике либеральной традиции.

Ключевые слова: источник права; обязательность источника права; естественное состояние; государство; послегосударственное состояние; естественный закон; ограничение свободы; судебный прецедент; легальная политическая власть; классический либерализм.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF COMPULSORY SOURCES OF LAW RECOGNITION

V. P. SUKHAPARAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of recognition of compulsory of law recognition of law at world-outlook, legal and political sight is substantiated in the article. Being researched problem has important significance in the context of today's converging and transforming processes of Roman German law system. Causes of sources of law recognition at world-outlook, legal and political sight are revealed as well as a pattern of a post-state society is theoretically constructed. Criticism of classical liberalism provisions (T. Hobbes, J. Locke, G. Grotius et al.) has enabled the author to formulate another natural law substance having force in three social development conditions (natural, state, post-state). The author states constancy of a natural condition of a society in spite of the fact of transition to the state. Potential of judicial precedent as a source of law in Roman German law system is commented. The results of research contributes to complex understanding of the need to follow sources of law.

Key words: source of law; source of law recognition; natural society; state; post-state society; natural law; liberty limitation; judicial precedent; legal political power; classical liberalism.

Образец цитирования:

Сухопаров В.П. Философско-методологический анализ проблемы обязательности реализации источников права. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;1:18–25.

For citation:

Sukhaparau V.P. Philosophical and methodological analysis of the problem of compulsory sources of law recognition. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019;1:18–25. Russian.

Автор:

Виктор Павлович Сухопаров – магистрант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. В. Анохина.

Author:

Viktar P. Sukhaparau, master's degree student at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
sukhoparov_v@mail.ru

Введение

В большинстве стран мира на практике право рассматривается через его источники, исходящие от легальной политической власти (законодательной, исполнительной, судебной, муниципальной или международной). Правила, выраженные в актах субъектов государственной и международной власти, признаются общеобязательными, их нарушение влечет за собой применение со стороны государства (или государств) силы. Однако законы и другие акты государственных и международных органов не объясняют необходимости реализации этих законов и актов. Несмотря на то что в источниках права могут излагаться цели и задачи их принятия, причина обязательности не раскрывается.

В юридической литературе проблеме обязательности источников права¹ уделяется недостаточное внимание. Ученые-юристы подробно рассматривают понятие, виды, особенности действия источников права. В некоторых случаях исследователи, характеризуя признание источников права, ограничиваются отсылкой к историческому развитию правовых систем [1, с. 200–217; 2, с. 336–344; 3, с. 213; 4, с. 11]. В монографии белорусского исследователя К. Л. Томашевского приводятся отдельные положения немецкого юриста Г. Еллинека и румынского правоведа А. Нашиц, не позволяющие сформировать достаточное теоретическое представление об обязательности источников права. Само понятие «источник права» основательно исследовано белорусским ученым [5, с. 51–52, 59].

Проблема общеобязательности источников права включает в себя *мировоззренческий, юридический и политологический* аспекты.

Мировоззренческий аспект общеобязательности источников права сводится к необходимости реализации существующих источников права. Отправная аналитическая установка мировоззренческой проблемы – отказ от общеобязательности источников права в рамках теоретического моделирования послегосударственного общества.

Юридический аспект основывается на сущности источников права в большинстве современных стран и выражается в признании судебного прецедента источником права в англосаксонской правовой семье и непризнании в романо-германской семье. *Сущность источника права заключается в тексте, исходящем от легальной политической власти, и обязательной последующей реализации прописанных в нем требований.* Это присуще не только нормативному правовому акту и договору

с нормативным содержанием, но и, с нашей точки зрения, судебному прецеденту. Судебный прецедент – тот же текст, издаваемый судами определенной категории, он устанавливает обязательные правила реализации конкретного, первого в своем роде юридического дела и подобных последующих разбирательств. Однако в одних странах судебный прецедент как источник права общеобязателен, а в других вовсе не признается таковым.

Политологический аспект общеобязательности источников права заключается в вопросе обязательности исполнения законов, исходящих от субъектов легальной политической власти, и необязательности исполнения актов под авторством политических партий или общественных объединений на территории государства. Данный вопрос традиционно объясняется легальностью и правовой легитимностью функционирования ветвей государственной власти. Сложившаяся аргументация приводит к образованию замкнутого круга причины и следствия *общеобязательности источников права на национальном и международном уровнях*: источники права, издаваемые субъектами легальной политической власти, признаются обязательными для реализации на территории государства лишь в силу того, что были приняты в соответствии с законодательством и исходят от органов или должностных лиц, легитимность которых имеет правовую форму.

Общеобязательность источников права легальной политической власти обосновывается и в логике договорной трактовки сущности конституции. Согласно договорной трактовке сущности конституции акты органов государственной власти являются общеобязательными, поскольку издаются в соответствии с конституцией, выражающей всеобщее согласие народа на соблюдение основного закона и на подчинение власти, властным органам и должностным лицам. Аргументация общеобязательности исполнения законов, изданных легальной политической властью в соответствии с договорной трактовкой сущности конституции, не лишена недостатков. Во-первых, не все конституции принимаются всенародным голосованием (они могут приниматься учредительным собранием, парламентом либо октроироваться монархом или правительством, что подводит к возникновению замкнутого круга причины и следствия общеобязательности исполнения требований документа). Во-вторых, выражение в конституции суверенной воли народа не объясняет обязательность проведения всенародного согласия.

¹Под обязательностью (общеобязательностью) источников права в настоящей статье понимается необходимость реализации источников права в четырех существующих формах (соблюдение, использование, исполнение, правоприменение), обусловленных приданием юридической силы источникам права в правовой системе. Иными словами, проблемы обязательности (общеобязательности) источников права – проблема признания источников права обязательными регуляторами общественных отношений.

Таким образом, общеобязательность источников права, изданных субъектами легальной политической власти, в формально-юридической логике заключается в догме «право есть источник права», а в договорной трактовке сущности конституции – в увлеченности идеологемой народного суверенитета. Для формально-юридического подхода обязательность источников права, изданных легальной политической властью, выходит за рамки предмета правовых исследований, является метатеоретиче-

ской проблемой и поэтому может быть разрешена на уровне философского осмысления обязательности исполнения источников права.

Цель настоящего исследования – выявить, по каким причинам источник права является обязательным к исполнению в мировоззренческом, юридическом и политологическом аспектах. Для реализации цели исследования необходимо философски обосновать обязательность источников права с точки зрения классической либеральной традиции.

Материалы и методы

Методология исследования носит комплексный характер и представлена следующими методами: диалектический метод, индукция, дедукция, компаративный метод, системный подход. Эмпири-

ческую базу исследования составили философские трактаты Т. Гоббса, Г. Гроция, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, а также источники академического знания по государственно-правовой проблематике.

Результаты и обсуждение

Мировоззренческий аспект проблемы общеобязательности источников права заключается в вопросе о необходимости реализации источников права вообще. Общества, в котором отсутствуют источники права, сегодня не существует. Однако источники права, в современном понимании, отсутствовали в догосударственном (естественном) состоянии общественного развития. Моделирование общества, основывающегося на отказе от общеобязательности источников права (модель послегосударственного общества), возможно посредством «парадигмальной прививки» признаков того общества, в котором не было источников права.

Наряду с общим признаком – отсутствие общеобязательности источников права – догосударственному и послегосударственному состояниям общественного развития присущи и отличительные черты: *послегосударственное общество, в отличие от догосударственного, – общество, познавшее писаное право, общество, в котором сохранились источники права в материальном смысле и их следы на сознательном и эмпирическом уровнях.* Однако эти отличия не приводят к противопоставлению естественного и послегосударственного состояний и не являются детерминантами нового образа послегосударственного общества по следующим причинам.

1. В государственном состоянии наличествуют покушения на личные блага, а также различного рода правонарушения. Если государствам известны нарушения источников права, связанные с покушением на жизнь, здоровье, имущество и иные блага частных, в том числе и публичных лиц, то количество подобных покушений в моделируемом послегосударственном состоянии не уменьшится: криминология выделяет широкий ряд детерминант преступности (он не ограничивается наличием закона, вызывающего желание нарушить себя). Наличие в послегосударственном состоянии поку-

шений на личные неимущественные и имущественные блага (и их потенциальное увеличение) сближает данное общество с догосударственным, в котором присутствовали индивиды, нарушающие общественный порядок.

2. Акты поведения в догосударственном состоянии общества, соответствующие морали, аналогичны актам поведения в послегосударственном состоянии, которые соответствуют уже необязательным правовым нормам, возникшим в связи с материальным наличием источников права и человеческой привычкой (материальные и эмпирические следы источников права). Незнание писаного права догосударственному обществу не означает, что на этой стадии общественного развития не существовало поведения аналогичного правомерному поведению лиц в государстве. Подобное поведение лиц, желающих следовать источникам права при необязательности их исполнения, будет наблюдаться и в послегосударственном обществе. Право, выраженное в актах субъектов государственной и международной власти, направлено, в частности, на защиту личных неимущественных и имущественных благ (морально-нравственный аспект). Поведение лиц, реализующее соответствующие этой защите правовые нормы в послегосударственном состоянии, уподобляется морально-нравственному поведению лиц догосударственного общества, действовавших по правилам разума. В догосударственном обществе существовали люди, стремившиеся к защите своих благ через мир с другими членами общества, это может иметь место при соблюдении людьми требований уже необязательных источников права в послегосударственном состоянии. Исходя из этого, материальные и эмпирические следы источников права в послегосударственном состоянии являются одной из причин морально-нравственного поведе-

ния лиц (чего не было в догосударственном состоянии общества).

Отказ от обязательности источников права в послегосударственном состоянии влечет за собой снятие с рожденного человека оков закона и бремени его исполнения, наделяя индивида мнимой свободой. Английский философ Дж. Локк считал, что индивиды в обществе, предшествующем государству, обладали полной свободой. По мнению Дж. Локка, естественное состояние есть «состояние полной свободы» людей в их действиях и распоряжении личностью и имуществом «в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы», они не обязаны спрашивать дозволения другого лица и не зависят от его воли [6, с. 217]. В определении естественного состояния, данном английским философом, с одной стороны, усматривается существование свободы в полном объеме, с другой – ограниченность свободы законом природы. Однако в определении Дж. Локка естественного состояния были отражены идеальные стороны этого явления, а не имевшее место фактическое положение дел. Английский философ неоднократно отмечает нарушения законов природы, которые выражались в покушениях (в том числе реализованных) преступников на жизнь и другие блага (здоровье, свободу, собственность) индивидов, и рассматривает данные нарушения как причины, конституировавшие возникновение государства в частности.

Поскольку нарушения естественного закона существовали в догосударственном обществе, такой признак, как полная свобода действий индивидов, ограниченная законом природы, не дает верного представления об этом обществе и не может быть воспринят в моделируемом послегосударственном обществе. В силу нарушений закона природы индивиды лишались свободы действий (лишение жизни) или же свобода их действий искажалась (покушение на иные личные неимущественные или имущественные блага). Индивид, желавший сделать что-то из той вещи, которая ему принадлежала, после порчи ее другим лицом уже не мог этого сделать. Совершаемые нарушения подтверждают, что поведение преступников выходило за рамки естественного закона, а свобода потерпевших ограничивалась действиями нарушителей. Следовательно, для предшествующего государству общества характерна небезопасность и ограниченность бытия индивидов, а не полнота свободы.

При этом в догосударственном обществе не были свободны ни лица, чье поведение соответствовало морали, ни лица, нарушающие общественный порядок. С одной стороны, лица, которые действовали, не причиняя вреда другим (выражая тем самым свободу своих действий), могли быть лишены определенных благ нарушителями, свобода действий

которых проявлялась, в частности, в покушениях на эти блага. С другой стороны, свобода действий нарушителей впоследствии пресекалась потерпевшим или его близким по праву возмездия, что не позволяло и нарушителям всегда совершать то, чего они желают [6, с. 223–226].

Исходя из наличия закона природы и его нарушений в догосударственном обществе, отсутствие обязательности источников права в послегосударственном обществе не означает отсутствие регулятора поведения вообще. В догосударственном состоянии регулятор поведения имеет природную (естественную) форму выражения. Природность формы как признак регулятора поведения не означает регулирования поведенческих актов объектами живой или неживой природы. Естественность поведенческого регулятора указывает на связь человека с объективным устройством природы и с ней самой.

Вне легальной политической власти и источников права, от нее исходящих, индивид не избавляется от естественного бремени подчинения. Возникает вопрос: свобода индивида в условиях отказа от общеобязательности источников права ограничивается законом природы как альтернативным в сравнении с источником права регулятором поведения или человеческим своеволием?

По Локку, *содержание закона природы* сведено к правилу, гласящему, что «ни один человек не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [6, с. 219]. Подобное определение естественного закона встречается и у другого английского философа Т. Гоббса: естественный закон есть предписание, согласно которому человеку запрещается то, что пагубно для жизни другого [7, с. 98].

Об ограничении свободы человека законом природы в смысле, понимаемом Дж. Локком и Т. Гоббсом, обоснованно можно говорить лишь тогда, когда никто не совершает деяний, противоречащих закону природы, и когда естественный закон по собственной воле не соблюдает никто. Иными словами, закон природы ограничивает поведение индивидов в случае, *если идея о ненанесении ущерба другим лицам является сущностной установкой сознания индивида* (подобно программной установке искусственного интеллекта). При этом за рамки данной идеи человек не может мысленно выйти и действует, не причиняя другим лицам вреда.

Наличие в догосударственном обществе нарушений закона природы (т. е. запрета на покушения на личные блага) свидетельствует о том, что закон природы в этом смысле не ограничивал поведение индивидов. Не все индивиды наносили ущерб другим лицам. Нарушения совершались человеком в результате собственного ментального выбора. Как следствие, преступные деяния могли быть

совершены любым индивидом, если он того пожелал. Непричинение вреда и противоположные покушения на жизнь, здоровье, собственность других являлись актами выражения воли, проявлением свободы действий. Исключение составляли случаи, когда покушения на личные блага других не совершались индивидами из-за боязни возмездия по праву сильного, регулятором чего мог выступать инстинкт самосохранения либо коллективный архетип.

Понимание английскими философами (Т. Гоббсом и Дж. Локком) естественного закона как запрета на покушения на личные блага в догосударственном состоянии возводит субъективную идею о поведении человека в объективный закон природы. Для характеристики послегосударственного состояния общества необходимо уточнить содержание естественного закона.

Дискуссии о существовании закона природы в догосударственном обществе обусловлены также спорностью *исходного базиса*. Согласно голландскому философу Г. Гроцию, естественный закон, как предписание здравого разума, определяет действие морально позорным, если оно не соответствует самой разумной природе, а следовательно, такое действие запрещено Богом, создателем природы. Г. Гроций пишет: «Хотя божественное всемогущество и безмерно, тем не менее можно назвать и нечто такое, на что оно не распространяется, поскольку то, что об этом говорится, только произносится, но лишено смысла, выражающего реальный предмет, ибо само себе противоречит. Действительно, подобно тому, как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, точно так он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро» [8, с. 71–72].

Российский исследователь И. Ю. Козлихин акцентирует внимание на том, что нормы естественного закона, по мнению Г. Гроция, исходят от воли Бога, и именно этот факт придает закону природы абсолютную незыблемость [9, с. 111]. В то же время отнесение закона природы к воле Бога, по Гроцию, неразрывно связано с отнесением его к разуму индивида. Подобное положение в обратной формулировке встречается и у Дж. Локка: «преступая закон природы, нарушитель тем самым заявляет о том, что он живет *не по правилу разума*² и общего равенства, которые являются мерилем, установленным Богом для действий людей ради их взаимной безопасности, а *по другому правилу*» [6, с. 220]. Возникает вопрос: «Что является “другим правилом” и разве оно существует вне разума?»

Сознание (разум) даже правопослушного человека допускает мысли о покушениях на блага других людей. Реализация этих покушений детерминирована сознанием и обеспечивается человеческими

способностями. Выбор поведенческих актов осуществляется разумом индивида. Несмотря на то что покушения на личные неимущественные и имущественные блага являются воплощением зла и других социокультурных антиценностей, данные мысли не возникают вне сознания.

Правило «не причинять вреда другим, чтобы не получить вред в ответ» имеет глубинные социокультурные корни и рационализирует морально одобряемое поведение индивидов. Однако опыт общественных отношений показывает, что после причинения вреда ответный вред может не последовать, а совершение действий человеком не требует рационализации их сознанием. Выстраивание идейных поведенческих конструкций без рационализации для человека естественно. К тому же рационализация одного и того же поведенческого акта может быть различной, в зависимости от субъекта, намеревающегося его осуществить. Из логики критикуемых положений Г. Гроция и Дж. Локка, согласно которым действия, соответствующие морали, детерминированы правилом разума (естественный закон), а морально позорные действия не исходят из разума, следует, что *разумом, которым наделила человека природа, охватывается разумное и неразумное*.

Для дополнительной аргументации этой позиции приведем аллегорическое соотнесение российским правоведом П. Н. Панченко правомерного и неправомерного поведения с правовым поведением. Ученый провел аналогию с видеоглазком в лифте. Правомерный либо неправомерный поведенческий акт является правовым, поскольку «полностью контролируется правом» через наделение объекта соответствующими юридическими признаками при помощи наблюдения за поведением людей, подобно видеоглазку в лифте. Правильно мы себя ведем или неправильно, рисуем на стене какие-либо изображения или читаем вынутый из почтового ящика рекламный листок, «он все равно за нами наблюдает... чтобы не произошло чего-то ненужного, вредного или опасного». В современных условиях ничего вне права быть не может [10, с. 6].

Дискуссионность существования естественного закона как идеи запрета на покушения на личные блага обусловлена и *проблемой воли субъекта*, который, по мнению Г. Гроция и Дж. Локка, определил именно такую сущность закона природы. Философы полагали, что люди созданы Богом и существуют по его воле, а значит, они не могут быть уничтожены себе подобными и каждый вправе наказать того, кто посягает на блага, сохранив себя и защитив других от подобных нарушений. Воля Бога заключается именно в существовании людей [6, с. 219–220; 8, с. 71].

²Здесь и далее курсив наш. – В. С.

Если исходить из того, что люди созданы Богом, то возникает вопрос: «Почему Его воля заключается именно в сохранении людей?» Спорность этого утверждения обусловлена другими действиями Творца. Он наделил человека способностью мыслить, желанием покушаться на блага других людей и предпринимать вызванные этими мыслями действия. При сотворении человека Богом не были исключены неблагоприятные последствия совместного человеческого существования.

Воля Творца на бытие людей, поскольку существуют допустимые благоприятные и неблагоприятные последствия, является одной из составляющих Его воли на объективный ход вещей в социальной среде. Этим объясняется согласованность цикличности и линейности исторического процесса, вариативности парадигм существования индивидов и разнообразия поведенческих актов с волей Творца, поскольку Бог после создания людей не вмешивается в социальную среду, что явствует из отсутствия разумной и эмпирической опоры для подтверждения обратного. По объективному ходу вещей любая идеология о поведении человека имеет потенциал стать парадигмой бытия, что будет зависеть от множества факторов различного рода. Однако идеология о поведении человека не может претендовать на статус единственной согласующейся с волей Творца. Все другие согласуются с ней в равной мере, за исключением тех, которые выходят за пределы сознания либо возможностей человечества.

Содержательная, исходно-базисная и субъектно-волевая проблемы существования закона природы не означают, что свобода человека в догосударственном обществе не была ограничена естественным законом и не будет им ограничена в моделируемом послегосударственном обществе. Выявленные проблемы актуализируют вопрос об ином осмыслении закона природы, дистанцированном от воли Бога и избавленном от субъективного понимания поведения человека и разумного базиса.

Концептуальные положения критикуемых и других авторов (Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо [6, с. 218–222, 281–284; 7, с. 97–105; 8, с. 71–74; 11, с. 38–42]) о поведении индивидов и последствиях их действий в догосударственном обществе позволяют сформулировать иное содержание закона природы: *естественный закон – это зависимость свободы индивида от собственных поведенческих актов и поведенческих актов других людей*. Естественность закона указывает на его связь с сущностью человека и объективным устройством окружающей природы. Сформулированный естественный закон действует не только в рамках сосуществования человека с другими индивидами в догосударственном состоянии, но и при бытии человека в государстве, а также вне общества. Например, индивид, попавший на необитаемый остров и пожелавший

сжечь находящиеся на нем объекты живой природы дотла, поскольку обладает свободой действий, впоследствии не сможет выжить на этом острове, как бы того не желал. В государстве закон зависимости свободы индивида от собственных поведенческих актов и поведения других людей выражается при нераскрытии преступлений и коррелирующем избежании виновным юридической ответственности, сохранности личных неимущественных и имущественных благ индивидов в условиях отсутствия преступного покушения на них, разрешении социальных конфликтов сторонними субъектами и т. д.

Моделируемое послегосударственное общество воспринимает естественный закон зависимости свободы индивида от собственных поведенческих актов и поведенческих актов других людей в силу действия этого закона в догосударственном обществе. В теоретической модели послегосударственного общества действие закона природы расширяется, поскольку повышается зависимость, влекущая за собой неблагоприятные последствия для индивидов и их благ. Материальные и эмпирические следы источников права в послегосударственном состоянии обеспечивают наличие морально одобряемого социального поведения и дополняют причины такого поведения в догосударственном состоянии.

Действие закона природы в государстве, наряду с небезопасностью бытия индивидов (вызываемой правонарушениями и преступлениями), не исчезнувшей с догосударственным состоянием, указывает на то, что общество продолжает существовать в естественном состоянии. Факт познания права в моделируемом послегосударственном обществе не означает безопасность сосуществования индивидов и не выводит человечество из естественного состояния. В идеалистическом смысле выход из естественного состояния будет осуществлен лишь тогда, когда ни один человек не будет нарушать источники права.

Юридический аспект проблемы общеобязательности источников права связан с судебным прецедентом. Признание судебного прецедента источником права в англосаксонской правовой семье связано с исторической преемственностью судебного прецедента правовыми системами. Зарождение судебного прецедента было обусловлено усилением королевской власти и централизацией судебной системы в Англии в период классического Средневековья [12, с. 37]. Однако основанные в конце XVIII в. Соединенные Штаты Америки, опираясь на английскую традицию, признали на конституционном уровне судебный прецедент источником права. Обстоятельства, конституировавшие судебный прецедент в Англии, в США не имели силы. Данные исторические примеры указывают на то, что правовой системе присуща зависимость признания определенного источника права от легальной политической власти.

В классической либеральной традиции признание, так же как и непризнание, судебного прецедента источником права может быть объяснено согласованием этих правовых явлений с разделением властей и системой сдержек и противовесов. Признание и непризнание судебного прецедента правовыми системами не вступает в противоречие с либеральной доктриной. Дж. Локк вовсе относил судебную власть к исполнительной ветви [6, с. 297]. Это дает судам полномочие издавать общеобязательные источники права (судебный прецедент) по аналогии с изданием источников права органами исполнительной власти.

Исходя из направленности государственной власти на установление общественного порядка и безопасности личных неимущественных и имущественных благ, источник права каждого из субъектов государственной власти имеет собственный потенциал быть общеобязательным на территории государства, но не может содержательно нарушать границы системы сдержек и противовесов. Однако самостоятельное принятие судом прецедента в правовой системе романо-германской правовой семьи с главенствующей ролью закона (едва ли можно представить эту ситуацию) вызовет конфликт между ветвями государственной власти. Это связано с неопровержимым предположением в романо-германской логике о том, что полномочие судов на издание прецедентов должно быть сперва прописано законодателем. Такая парадигмальная установка указывает на зависимость судебного прецедента в романо-германской правовой семье от закона.

Признание либо отказ от судебного прецедента не может быть обоснован принципиальностью собственного признания либо отказа (установки «признание ради признания», «отказ ради отказа»). Система при внедрении чуждого элемента способна трансформироваться сама и трансформировать эффект элемента в коренной системе как в лучшую,

так и в худшую сторону, что свидетельствует о рисках внедрения. Согласно либеральной традиции, процессы признания судебного прецедента либо отказа от него должны быть обоснованы прогрессивностью защиты прав личности и общественного порядка. Сегодня обе системы (англосаксонская и романо-германская) подтверждают свою положительную эффективность защиты прав и свобод человека, общественной и национальной безопасности.

Политологический аспект проблемы общеобязательности источников права обусловлен тем, что обязательность на территории государства источников права, исходящих от легальной политической власти, и необязательность актов политических партий или общественных объединений в либеральной традиции может быть объяснена легитимной фиксированностью властвующего субъекта. Сама по себе воля политической партии, выраженная, в частности, в тексте, не может быть обязательной. Для этого необходима легитимность, которая в правовых государствах определяется в соответствии с источниками права. Насколько справедливы и идеальны правила определения легитимности – другой вопрос.

Власть политических партий, иных субъектов гражданского общества и обязательность их текстов находит свое трансформированное выражение в текстах законов и иных источников права. Примерами этому могут служить нахождение партийных и беспартийных представителей на государственных должностях в парламенте и органах исполнительной власти, на должностях монархов. Важно, чтобы субъект легитимной политической власти был четко определен источником права. Самовольное властвование политических партий, иных социальных групп возвращает общество в догосударственное состояние, где имел место произвол властвования.

Заключение

Согласно либеральной традиции, обязательность источников права вызвана следующими причинами.

Мировоззренческие причины, вызванные отказом от обязательности источников права, расширением закона природы, повышением уровня небезопасности неимущественных и имущественных благ, большей ограниченностью свободы (в сравнении с государством). Несмотря на неизбежность естественного состояния при переходе общества к государственной форме организации, отказ от обязательности источников права в послегосударственном состоянии не выведет человечество из естественного состояния. Идея выхода из естественного состояния, заключающегося в правомерном поведении всех членов общества, на наш взгляд, утопична.

Юридические причины, которые заключаются в иерархичности видов и ветвей легальной поли-

тической власти при их формально-юридическом равенстве. Признание новых источников права и трансформация их системы, согласно либеральной традиции, должны быть обоснованы защитой прав личности, сохранением общественного порядка и обеспечением национальной безопасности.

Политологические причины, заключающиеся в необходимой легитимной фиксированности субъектов легальной политической власти, от которых исходят источники права. Власть политических партий, иных субъектов гражданского общества и обязательность их текстов находит свое трансформированное выражение в текстах законов и иных источников права. Самовольное властвование политических партий, и иных социальных групп приведет к произволу властвования, аналогичному существующему в догосударственном обществе.

Библиографические ссылки

1. Сырых ВМ. *Теория государства и права*. 6-е издание. Москва: Юстицинформ; 2005.
2. Вишнеvский АФ, Горбаток НА, Кучинский ВА. *Общая теория государства и права*. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2014.
3. Василевич ГА. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина. Минск: Тесей; 2008.
4. Сільчанка МУ. Праблемы азначэння паняцця, вызначэння відаў, юрыдычнай сілы і сістэмы крыніц сучаснага беларускага права. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Правазнаўства*. 2008;4:11–17.
5. Томашевский КЛ. *Система источников трудового права Беларуси (история, теория и практика)*. Минск: Амалфея; 2013. Совместное издание с Международным университетом «МИТСО».
6. Локк Дж. *Два трактата о правлении*. Субботин АЛ, переводчик. Москва: Проспект; 2009.
7. Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине (Elementa philosophica de cive)*. Погосский В, переводчик. Москва: Типография торгового дома «Мысль»; 1914.
8. Гроций Г. *О праве войны и мира*. Саккетти АЛ, переводчик. Москва: Ладомир; 1994.
9. Козлихин ИЮ. *История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта*. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс»; 2001.
10. Панченко ПН. Правовое поведение в условиях правового государства и распространенные ошибки и нарушения, допускаемые при применении в отношении закона. *Право и государство: теория и практика*. 2012;7(91):6–13.
11. Руссо Ж-Ж. *Об общественном договоре, или принципы политического права*. Хаяутин АД, Алексеев-Попов ВС, переводчики. Москва: Канон-Пресс; 1998.
12. Давид Р, Жоффре-Спинози К. *Основные правовые системы современности*. Туманов ВА, переводчик. Москва: Международные отношения; 2009.

References

1. Syrykh VM. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 6nd edition. Moscow: Yustitsinform; 2005. Russian.
2. Vishnevskiy AF, Gorbatoк NA, Kuchinskiy VA. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Minsk: The Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus; 2014. Russian.
3. Vasilevich GA. *Istochniki belorusskogo prava: printsipy, normativnye akty, obychai, pretsedenty, doktrina* [The sources of Belarusian Law: principles, enactments, custom, precedents, doctrine]. Minsk: Tesey; 2008. Russian.
4. Sil'chanka MU. [The problems of the concept, determining of kinds, legal force and the system of the current Belarusian law]. *Vesnik Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2008;4:11–17. Belarusian.
5. Tomashevskiy KL. *Sistema istochnikov trudovogo prava Belarusi (istoriya, teoriya i praktika)* [The system of sources of labor law of Belarus (history, theory and practice)]. Minsk: Amalfeya; 2013. Co-publishing with International University «MITSO». Russian.
6. Locke J. *Two Treatises of Government*. London: Awnsham Churchill; 1689.
Russian edition: Locke J. *Dva traktata o pravlenii*. Subbotin AL, translator. Moscow: Prospect; 2009.
7. Hobbes T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine (Elementa pholosophica de cive)* [Philosophical bases of studying about citizen (Elementa pholosophica de cive)]. Pogosskii V, translator. Moscow: Printing House of the Trading House «Mysl'»; 1914. Russian.
8. Grotius G. *De jure belli ac pacis libritress*. Amsterdam: Gvilislutn blativ; 1631.
Russian edition: Grotius G. *O prave voyny i mira*. Sakketi AL, translator. Moscow: Ladomir; 1994.
9. Kozlihin IY. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Novoe vremya: ot Makiavelli do Kanta* [History of political and legal doctrines. New time: from Makiavelli to Kant]. Saint Petersburg: Legal centre «Press»; 2001. Russian.
10. Panchenko PN. Legal behavior interms of the rule of law and common errors and lapses in the application of the law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2012;7(91):6–13. Russian.
11. Rousseau J-J. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [About social contract, or the Principles of political law]. Khayutin AD, Alekseev-Popov VS, translators. Moscow: Canon-Press; 1998. Russian.
12. David R, Joffre-Spinozi K. *Les grands system de droit contemporains*. Paris: Dalloz; 1992.
Russian edition: David R, Joffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*. Tumanov VA, translator. Moscow: International relations; 2009.

Статья поступила в редколлегию 23.05.2018.
Received by editorial board 23.05.2018.